

СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНЫМ КРЕДИТОРАМ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ ЗАЕМЩИКОВ

Аннотация. В статье проводится анализ проблем, касающихся участия банков в процедурах банкротства заемщиков и противодействия недобросовестным кредиторам при попытках установления контроля над процедурами банкротства, а также искусственно наращиванию требований «дружественных» кредиторов. Автором приведена актуальная судебная практика по данным вопросам с учетом специфики банков как участников производств по делам о банкротстве заемщиков. Кроме того, в статье анализируется Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство) заемщиков, требования аффилированных кредиторов, субординация.

**Андрей Сергеевич
МАЗУР,**
аспирант кафедры
банковского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
*mazur.andrey.serg@
gmail.com*

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.72.8.158-169

A. S. MASUR,

postgraduate student of the Department of banking law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
mazur.andrey.serg@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

METHODS OF COUNTERING UNFAIR CREDITORS IN CASES ON BANKRUPTCY OF BORROWERS

Abstract. This article concentrates on the problems related to the participation of banks in bankruptcy proceedings of borrowers and counteraction to dishonest creditors when trying to establish control over bankruptcy proceedings, as well as artificially increasing the requirements of “friendly” creditors. The author presents the current court practice on these issues, taking into account the specifics of banks as participants in proceedings for bankruptcy of borrowers. In addition, the article analyzes a new Review of the judicial practice of resolving disputes related to the establishment in the bankruptcy proceedings of the requirements of the controlling debtor and its affiliates, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 01/29/2020.

Keywords: bankruptcy of borrowers, claims of affiliated creditors, subordination.

Российские банки, как правило, являются наиболее активными и заинтересованными участниками производств по делам о банкротстве своих заемщиков, что вызвано в первую очередь наличием у них необходимых ресурсов (финансовых, кадровых, аналитических и иных) для сопровождения данной категории дел. Уже на стадии заключения кредитного либо иного договора (поручительства, о выдаче банковской гарантии и т.д.) и выдачи кредитных средств банки собирают значительный пакет документов и сведений о деятельности заемщика (поручителя, принципала), финансовых показателях, конечных бенефициарах и т.п.

Более того, после выдачи кредита банки, как правило, контролируют расходование заемщиком денежных средств, изменение финансовых показателей заемщика, актуализируют информацию о финансовом положении должников в целях минимизации рисков невозврата кредитов и формирования резервов на возможные потери по ссудам.

Таким образом, при возникновении у заемщиков признаков неплатежеспособности банки уже обладают значительным объемом информации и документов о деятельности заемщика. При этом у наиболее крупных кредитных организаций имеются необходимый штат квалифицированных специалистов для сопровождения процедур банкротства заемщиков, выявления имущества должников, необходимые финансовые ресурсы для обеспечения сохранности имущества должников, финансирования процедур банкротства и иных мероприятий.

Так, согласно данным справочно-правовой системы Casebook, крупнейшие российские банки участвуют в десятках тысячах производств по делам о банкротстве юридических и физических лиц¹. Так, ПАО «Сбербанк России» является участником более 43 тыс. текущих дел о банкротстве, Банк ВТБ (ПАО) — более 12 тыс. При этом, по данным Верховного Суда РФ, по состоянию на конец 2018 г. оставались неоконченными 102 829 дел о банкротстве². Таким образом, только два крупнейших российских банка участвуют в более чем половине производств по делам о несостоятельности (банкротстве).

В то же время, согласно данным статистики Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, ежегодно в России признаются несостоятельными (банкротами) около 13 тыс. юридических лиц³. Количество физических лиц, признанных банкротами, ежегодно увеличивается, достигнув за первые 9 месяцев 2019 г. более 46 тыс. человек⁴.

¹ URL: <https://casebook.ru/> (дата обращения: 25.02.2020).

² Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации по делам о банкротстве за 2018 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/AC1a.svod-2018.xls (дата обращения: 25.02.2020).

³ Банкротства компаний — статистика за 9 мес. 2019 года // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. URL: <https://fedresurs.ru/news/f8f7e5b4-9388-499e-9516-6434932f5b66> (дата обращения: 25.02.2020)

⁴ Банкротства граждан — статистика за 9 мес. 2019 года // Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивиду-

Одним из наиболее важных направлений, особенно на начальном этапе производства по делам о банкротстве, для кредиторов-банков и кредиторского сообщества в целом является противодействие недобросовестному поведению (в первую очередь аффилированных по отношению к должникам кредиторов), направленному на получение контроля над процедурой банкротства.

Российское банкротное право активно развивается, отражая наиболее актуальные тенденции, позволяющие добросовестным независимым кредиторам защищать свои права и интересы в рамках дел о банкротстве, в том числе от злоупотреблений со стороны должников и аффилированных лиц.

Тем не менее в России обозначенная проблема до настоящего времени не разрешена на законодательном уровне, однако находит свое отражение в право-применительной практике Верховного Суда РФ.

Наиболее значительным документом в данной области за последнее время является Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 (далее — Обзор практики по требованиям контролирующих и аффилированных лиц). В нем Верховный Суд РФ обобщил правовые позиции, касающиеся одного из самых актуальных вопросов в практике банкротства — субординации требований кредиторов. Данный обзор подвел итог правоприменительной практики Верховного Суда РФ и нижестоящих судов с 2017 г., когда впервые была выражена позиция о возможности субординации требований участников должника о включении в реестр требований кредиторов, основанных на договорах займа⁵.

С того времени практика по данному вопросу претерпела значительные изменения, а также была распространена на иные, а не только заемные правоотношения. При этом, как показывает практика, очень часто еще на этапе возбуждения производства по делу о банкротстве заемщиков и рассмотрении обоснованности требований первого заявителя недобросовестные аффилированные кредиторы предпринимают попытки получения контроля над грядущей процедурой банкротства.

Противодействие недобросовестному первому заявителю по делу о банкротстве

Нормами Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)⁶ (далее — Закон о банкротстве) предусмотрено право кредитора, который является первым заявителем по делу о банкротстве, на предложение кандидатуры временного управляющего должника — юридического лица и, соответственно, кандидатуры финансового управляющего должника — гражданина.

альных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. URL: <https://fedresurs.ru/news/8f252102-75dd-464f-898e-26d27c7d5bf0> (дата обращения: 25.02.2020).

⁵ См.: определения Верховного Суда РФ от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556 (1) и 308-ЭС17-1556 (2) по делу № А32-19056/2014.

⁶ СПС «КонсультантПлюс».

Так, пункт 2 статьи 39 Закона о банкротстве требует, чтобы в заявлении о банкротстве юридического лица была указана кандидатура временного управляющего (фамилия, имя, отчество арбитражного управляющего, наименование и адрес саморегулируемой организации, членом которой он является) или наименование и адрес саморегулируемой организации, из числа членов которой должен быть утвержден временный управляющий.

Аналогичные требования при подаче заявления о банкротстве гражданина содержатся в пункте 3 статьи 213.5 Закона о банкротстве.

Между тем, при подаче заявления самим должником кандидатура временного управляющего определяется посредством случайного выбора (пункт 5 статьи 37 Закона о банкротстве). Такое регулирование направлено на обеспечение подлинной независимости управляющего, предотвращение потенциального конфликта интересов, т.е. на устранение всяких сомнений по поводу того, что управляющий, предложенный должником, в приоритетном порядке будет учитывать интересы последнего, ущемляя тем самым права гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов.

Согласно пункту 2 статьи 20.2 Закона о банкротстве арбитражным судом в качестве временных управляющих, административных управляющих, внешних управляющих или конкурсных управляющих не могут быть утверждены в деле о банкротстве арбитражные управляющие, которые являются заинтересованными лицами по отношению к должнику, кредиторам.

В пункте 56 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» содержатся требования к кандидатуре арбитражного управляющего. Там указано, что не подлежит утверждению кандидатура арбитражного управляющего, если у суда и лиц, участвующих в деле, имеются существенные и обоснованные сомнения в наличии у него должной компетентности, добросовестности или независимости.

Верховный Суд РФ неоднократно высказывал позицию о том, что право на выбор кандидатуры арбитражного управляющего является способом контроля процедуры банкротства. При этом недопустимо, когда должник, в том числе через сложную систему корпоративной организации, получает возможность выбора саморегулируемой организации⁷.

Так, Верховный Суд РФ в определении от 25.01.2017 № 305-ЭС16-15945 по делу № А41-108121/2015 отметил, что право выбора арбитражного управляющего является одним из способов контроля в рамках дела о банкротстве: «По смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора должника, прежде всего, состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Все предоставленные кредиторам права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на способствование достижению названной цели».

⁷ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017). П. 17 ; определения Верховного Суда РФ от 25.01.2017 № 305-ЭС16-15945 ; от 05.04.2018 № 307-ЭС17-1676 (3) ; от 18.07.2018 № 308-ЭС18-3917 ; от 16.06.2016 № 302-ЭС16-2049 по делу № А33-20480/2014.

При этом законодательного запрета на предложение кандидатуры арбитражного управляющего по делу о банкротстве должника аффилированным по отношению к нему кредитором до настоящего времени не установлено. Этим до недавнего времени пользовались недобросовестные аффилированные кредиторы. Так, например, при наличии минимального разрешенного для возбуждения производства по делу о банкротстве размера задолженности данные лица обращались в суд с соответствующим с заявлением и предложением кандидатуры саморегулируемой организации либо арбитражного управляющего. Особенно актуальной данная проблема являлась при применении «упрощенных» процедур банкротства, как, например, банкротства ликвидируемого должника, что позволяло миновать стадию наблюдения и сразу утвердить конкурсного управляющего, которого независимые кредиторы, требования которых включались в реестр требований кредиторов позднее, уже не могли с легкостью поменять.

В декабре 2018 г. Верховный Суд РФ дополнил Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016. В пункте 27.1 указанного Обзора указано, что временным управляющим в деле о банкротстве не может быть утверждено лицо, кандидатура которого предложена кредитором, аффилированным по отношению к должнику.

В нем Верховный Суд РФ отметил, что при подаче заявления самим должником кандидатура временного управляющего определяется посредством случайного выбора (п. 5 ст. 37 Закона о банкротстве). Такое регулирование направлено на обеспечение подлинной независимости управляющего, предотвращение потенциального конфликта интересов, т.е. на устранение всяких сомнений по поводу того, что управляющий, предложенный должником, в приоритетном порядке будет учитывать интересы последнего, ущемляя тем самым права гражданского правового сообщества, объединяющего кредиторов. Поскольку должник и аффилированные с ним лица имеют общий интерес, отличный от интереса кредиторов, правила п. 5 ст. 37 Закона о банкротстве подлежат применению в ситуации, когда кандидатура временного управляющего и саморегулируемой организации предложены связанным с должником лицом — заявителем по делу о банкротстве. Такой подход возможен по аналогии закона (п. 1 ст. 6 Гражданского кодекса РФ).

Кроме того, Верховный Суд РФ указал, что аналогичный подход применим и в ситуации, когда кандидатура временного управляющего, саморегулируемой организации предложены лицом, которое при отсутствии формально-юридических признаков аффилированности имеет возможность давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия.

Возможность установления в рамках дел о банкротстве именно фактической аффилированности и подконтрольности, а не только формально-юридической (в частности, принадлежность лиц к одной группе компаний через корпоративное участие), достаточно давно нашла свое отражение в практике Верховного Суда РФ и нижестоящих судов.

Данный механизм предусматривает возможность установления аффилированности и подконтрольности в тех случаях, когда структура корпоративного участия и управления искусственно позволяет обойти формальный критерий группы

лиц, однако сохраняется возможность оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения предпринимательской деятельности. О наличии такого рода аффилированности может свидетельствовать поведение лиц в хозяйственном обороте, например, заключение между собой сделок и последующее их исполнение на условиях, недоступных обычным (независимым) участникам рынка⁸.

В рассматриваемой ситуации критически важным является выявление критериев фактической аффилированности заявителя по делу о банкротстве по отношению к должнику. Временный управляющий назначается посредством случайного выбора из саморегулируемой организации, в которой не состоял кандидат, предложенный аффилированным кредитором (пункт 5 статьи 37 Закона о банкротстве, часть 6 статьи 4 Федерального закона от 29.12.2014 № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»).

Таким образом, уже на этапе рассмотрения обоснованности требований первого заявителя о банкротстве должника независимым кредиторам надлежит осуществлять проверку наличия связей между заявителем по делу о банкротстве и должником. Поскольку банки, как правило, еще на этапе возникновения договорных отношений с заемщиком получают значительное количество информации и документов о его деятельности, вхождении заемщика в группу компаний, наличии формально-юридических и фактических связей с иными юридическими и физическими лицами, они обладают более широкими возможностями по выявлению формально-юридической либо фактической аффилированности заявителя по делу о банкротстве и должника. Так, банки могут установить наличие фактической связи путем анализа выписок по расчетным счетам, перераспределения денежных средств внутри группы компаний заемщика, анализа предоставленных заемщиком финансовых и бухгалтерских документов, анкет клиентов и т.п.

Противодействие аффилированным кредиторам на собраниях кредиторов

Из правовой позиции о запрете аффилированным кредиторам на предложение кандидатуры арбитражного управляющего должника вытекает вопрос об учете голосов аффилированных кредиторов на собраниях кредиторов в целом.

В 2018 г. в ряде определений⁹ об оспаривании решений собраний кредиторов была сформирована позиция Верховного Суда РФ о том, что решение о смене арбитражного управляющего при переходе от одной процедуры банкротства к другой не имеет юридической силы, так как принято не кредиторами, а должником. При этом требования аффилированных с должником кредиторов составляют большинство от реестра. Такая позиция противоречит существу законодательного регулирования в сфере несостоятельности, не допускающего определение

⁸ См.: определения Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056 (6) ; от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 ; от 28.05.2018 № 301-ЭС17-22652 (3).

⁹ См.: определения Верховного Суда РФ от 24.10.2018 № 302-ЭС18-19113 по делу № А78-10738/2016 ; от 05.04.2018 № 307-ЭС17-1676(3) по делу № А56-71402/2015.

должником на этой стадии ни конкретной кандидатуры управляющего, ни саморегулируемой организации (п. 2 ст. 213.4 Закона о банкротстве).

Свое развитие данная позиция получила в новом Обзоре практики по требованиям контролирующих и аффилированных лиц. В частности, в п. 12 данного Обзора указано, что выбор кандидатуры арбитражного управляющего либо саморегулируемой организации арбитражных управляющих определяется решением кредиторов, не являющихся лицами, контролирующими должника или аффилированными с должником.

Таким образом, хотя в Законе о банкротстве не содержится ограничений для аффилированных с должниками кредиторов по голосованию на собраниях, судебной практикой постепенно вводятся ограничения для таких кредиторов, что представляется целесообразным. При этом, как следует из текста Обзора, не имеет правового значения, понижалась ли очередность требований таких кредиторов при включении в реестр или нет.

Утверждение кандидатуры арбитражного управляющего, предложенного аффилированными с должником кредиторами, создает вероятность возникновения конфликта интересов между должником, независимыми кредиторами, иными участниками дела о банкротстве и арбитражным управляющим должника. Такой эффект следует исключить в процедуре банкротства, поскольку гарантом обеспечения баланса интересов является непосредственно арбитражный управляющий, утверждаемый арбитражным судом в порядке, установленном ст. 45 Закона о банкротстве, и для проведения процедур банкротства наделяемый полномочиями, которые в значительной степени носят публично-правовой характер¹⁰.

На основании изложенного можно сделать вывод, что судебной практикой постепенно вводятся ограничения для контролирующих должника лиц и аффилированных к должнику кредиторов, в первую очередь в части утверждения кандидатуры арбитражного управляющего (или саморегулируемой организации). Такие решения в ходе любой процедуры банкротства должны принимать только независимые кредиторы.

Противодействие включению требований контролирующих и аффилированных лиц в реестр требований кредиторов

Наверное, наибольшее внимание в судебной практике и научной литературе в сфере банкротства в последние годы было приковано к теме противодействия включению требований контролирующих должников лиц, а также аффилированных кредиторов в реестр требований кредиторов. Несмотря на то, что возможность понижения в очередности (субординации) требований контролирующих лиц и аффилированных кредиторов до настоящего времени не нашла закрепления

¹⁰ На публично-правовой характер полномочий арбитражного управляющего и на его публично-правовой статус было обращено внимание еще в постановлении Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева».

на законодательном уровне, судебная практика по данному вопросу, начиная с 2017 г., неуклонно набирает обороты. Банков как наиболее крупных кредиторов данный вопрос также касается напрямую.

Идея понижения в очередности требований контролирующих и аффилированных к должнику лиц была заимствована из иностранных правопорядков. В литературе выделяют две модели субординации: жесткую и мягкую¹¹.

Согласно жесткой модели субординации, т.е. понижению в очередности по сравнению с иными, независимыми (внешними), кредиторами, подлежат по общему правилу требования всех (за рядом исключений) контролирующих и аффилированных по отношению к должнику лиц. Данной модели придерживается, например, законодательство Германии.

При этом сторонники мягкой модели считают, что требования контролирующих и аффилированных по отношению к должнику лиц подлежат субординации только при наличии определенных условий, в первую очередь связанных с условиями предоставления должнику кредитования. Данная модель характерна для англосаксонского права.

Кроме того, Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам несостоятельности также содержит ряд рекомендаций по данному вопросу¹².

Так, в нем содержатся предложения о дополнении законодательства о банкротстве правилами, содержащими механизм идентификации такого вида поведения или ситуаций, когда требования будут заслуживать дополнительной проверки. Например, проверка обоснованна, когда финансирование должника участником было выполнено при недостаточной капитализации, когда использование аффилированными лицами преимущественного положения было связано с их осведомленностью о деятельности должника, и т.п. В таких случаях требования кредитора могут быть субординированы либо включены на ограниченную сумму, либо кредитор может быть ограничен в некоторых вопросах (например, в голосовании на собрании кредиторов). Как видно, рекомендации, данные в Руководстве ЮНСИТРАЛ, придерживаются мягкой модели субординации требований.

В результате анализа Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 по итогам изучения и обобщения судебной практики по данному вопросу, можно сделать вывод о том, что Суд решил придерживаться мягкой модели субординации требований контролирующих лиц и аффилированных кредиторов, хотя и при существенных допущениях.

Так, в пункте 1 Обзора представлена позиция, согласно которой на аффилированном с должником кредиторе лежит бремя опровержения разумных сомнений относительно мнимости договора, на котором основано его требование, заявленное в деле о банкротстве. При этом Верховный Суд РФ отметил, что если

¹¹ Егоров А. В. Субординация аффилированных кредиторов при банкротстве: актуальный вызов времени // Эж-Юрист. 2018. № 39.

¹² Суворов Е. Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 4.

финансирование внутри группы компаний осуществляется добросовестно и не нарушает интересов других кредиторов, то требования аффилиированного кредитора не подлежат субординации (п. 2 Обзора).

Таким образом, было окончательно закреплено общее правило о невозможности субординации требований кредиторов только по мотиву их аффилированности к должнику, что вызвано отсутствием законодательного закрепления подобной позиции. Необходимо отметить, что в данном случае возникает определенное противоречие между общим правилом и частными случаями, в которых суд предлагает усматривать злоупотребление правом участников и субординировать их требования.

Распределение бремени доказывания собственного добросовестного поведения переходит на контролирующего кредитора и выражается в том числе в ряде опровергимых презумпций, сформулированных Верховным Судом РФ.

Главным критерием для субординации требований контролирующего либо аффилиированного лица можно назвать предоставление должнику финансирования (как в денежном виде, например посредством займа, так и в неденежном виде) в состоянии имущественного кризиса должника. При этом необходимо отметить, что Верховный Суд РФ напрямую не связывает понятия имущественного кризиса и неплатежеспособности/недостаточности имущества (п. 6.2 Обзора практики по требованиям контролирующих и аффилиированных лиц).

Суд подчеркнул ранее выраженную в практике позицию о том, что контролирующее лицо, которое пытается вернуть подконтрольное общество к нормальной предпринимательской деятельности посредством займа, принимает на себя все связанные с этим риски, в том числе риск утраты компенсационного финансирования на случай объективного банкротства.

При этом в п. 4 Обзора Верховный Суд РФ закрепил, что изложенные в отношении контролирующих лиц позиции распространяются также на требования кредитора, аффилиированного с лицом, контролирующим должника, в случае, если этот кредитор предоставил компенсационное финансирование под влиянием контролирующего должника лица. При этом подлежит доказыванию не только «компенсационный» характер финансирования от аффилиированного лица, но и то, что его заставило предоставить финансирование контролирующее лицо.

Большое значение для практики также будет иметь то, что Верховный Суд РФ в указанном Обзоре фактически частично преодолевает так называемые «пропущенные» требования, т.е. требования кредиторов, основанные на вступивших в законную силу судебных актах о взыскании задолженности.

Согласно п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве разногласия по требованиям кредиторов или уполномоченных органов, подтвержденным вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом. Данная норма длительное время являлась основанием для отклонения любых возражений конкурирующих кредиторов на требования контролирующих лиц и аффилиированных кредиторов, подтвержденных судебным актом, даже при явном корпоративном характере задолженности и наличии оснований для субординации их требований.

Указанную проблему первоначально предлагалось решить в п. 23 проекта постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О некоторых про-

цессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»¹³. В нем предложено предусмотреть возможность предъявления любых возражений относительно заявленных требований кредиторов. Иными словами, речь идет об установлении относительной силы судебных актов, ранее вынесенных в отношении данного должника без учета интересов его кредиторов¹⁴.

В итоге в п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» было закреплено лишь право арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов на обжалование такого судебного акта в установленном процессуальным законодательством порядке.

При этом в Обзоре практики по требованиям контролирующих и аффилированных лиц Верховный Суд РФ частично обошел данное ограничение. Он указал, что само по себе наличие вступившего в законную силу судебного акта, подтверждающего задолженность, не освобождает арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, от обязанности определить очередность удовлетворения основанного на этой задолженности требования. В свою очередь, для определения очередности судам придется исследовать все фактические обстоятельства, связанные с возникновением задолженности, первичные документы, историю взаимоотношений сторон, добросовестность поведения кредитора и должника.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Верховный Суд РФ движется в сторону закрепления относительности судебных актов, вынесенных в отношении должника вне рамок дела о банкротстве.

Представляется, что существенное значение для банков будет иметь позиция, сформулированная в п. 5 данного Обзора. В нем установлено, что не подлежит удовлетворению заявление о включении в реестр требования аффилированного с должником лица, которое основано на исполнении им обязательства должника внешнему кредитору, если аффилированное лицо получило возмещение, исполненное на основании соглашения с должником.

В значительном количестве случаев после получения кредитных средств заемщик перераспределяет их внутри группы компаний, например путем заключения договоров займа. Другие компании группы при этом выступают поручителями по кредитному договору. После наступления просрочки по кредитному договору компания-поручитель погашает просроченную задолженность по кредиту и предъявляет свои требования к должнику в порядке суброгации (ст. 365, 384 и 387 ГК РФ).

Верховным Судом РФ введено понятие договора о покрытии, т.е. договора, заключенного между должником и поручителем, о порядке вступления поручителя в чужой долг и об урегулировании последствий исполнения обязательства поручителем в части условий покрытия расходов на погашение чужого долга. Ин-

¹³ Проект постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». М., 2011. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/03AEE6AA106304F8330EDE17A45A6BD1_pres_02Mar2012.pdf (дата обращения: 25.02.2020).

¹⁴ Мицхахутдинов Р. Т. Ограничена относительность судебного акта при банкротстве : Как добросовестным кредиторам защититься от необоснованного требования, подтвержденного судебным актом // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 4.

тересно, что такой договор может считаться заключенным без его юридического оформления, т.е. без соблюдения требований пп. 1 п. 1 ст. 161 ГК РФ.

В таком случае наибольшее значение при доказывании недобросовестности должника и аффилированного кредитора имеют именно выписки по расчетным счетам и анализ дальнейшего использования кредитных средств.

Также нередки случаи, когда в ситуации банкротства аффилированные по отношению к должнику лица с существенным дисконтом приобретают на основании договоров цессии права (требования) к должнику, вытекающие из кредитных договоров, и впоследствии на основании них подают заявления о включении в реестр требований кредиторов.

В соответствии с п. 6.2 Обзора приобретение у независимого кредитора требования к должнику создает условия для отсрочки погашения долга по кредитному договору. Такие действия фактически являются финансированием должника, что предоставляет ему возможность осуществлять предпринимательскую деятельность, не исполняя обязанность по подаче заявления о банкротстве (п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве).

Значительное место в Обзоре занимают преференции для требований кредитных организаций о включении в реестр требований кредиторов заемщиков.

Так, одним из достаточно распространенных способов обеспечения исполнения обязательств заемщиков является договор залога долей участия в уставном капитале, заключаемый с участниками заемщика, либо договор залога акций заемщика.

В соответствии с п. 2 ст. 358.15 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором залога доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, до момента прекращения залога права участника общества осуществляются залогодержателем.

Этот способ обеспечения исполнения обязательств обычно используется не для осуществления непосредственного контроля над деятельностью заемщика, а в качестве дополнительной гарантии на случай совершения участниками заемщика явно недобросовестных действий, связанных, например, с отчуждением принадлежащих им долей участия в компании либо явно невыгодной реорганизацией общества.

Верховный Суд РФ сделал вывод о том, что в данном случае презюмируется отсутствие у кредитной организации цели участия в распределении всей предполагаемой будущей прибыли должника. Конкурирующему кредитору необходимо доказать, что банк действовал недобросовестно, в частности навязывал органам управления должника заведомо невыгодные управленческие решения, блокировал принятие явно выгодных решений. В противном случае требования банка не подлежат субординации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что практически все кредитные портфели банков с обеспечением в виде залога долей (акций) не подлежат субординации при включении в реестр требований кредиторов.

В качестве вывода можно указать, что Обзор практики по требованиям контролирующих и аффилированных лиц позитивно влияет на работу арбитражных судов, арбитражных управляющих, а также добросовестных кредиторов, поскольку Президиум Верховного Суда РФ выпустил достаточно детальные

разъяснения, систематизировав последние правовые позиции по субординации требований кредиторов.

Несмотря на приверженность мягкой стратегии субординации, Верховный Суд РФ достаточно детально разобрал конкретные основания для ее применения. Он закрепил повышенный стандарт доказывания для лиц, не только напрямую связанных с должником, но и входящих в их группу, необходимость раскрытия экономических мотивов поведения сторон, фактически закрепил «относительность» судебных актов о взыскании с должника задолженности, вынесенных вне рамок дела о банкротстве.

К числу недостатков Обзора можно отнести то, что в нем Верховный Суд РФ принял на себя практические законодательную функцию, вводя в оборот новые понятия, не закрепленные в Законе о банкротстве либо иных нормативных актах. Речь идет о таких понятиях, как «ситуация имущественного кризиса», «предоставление компенсационного финансирования», «договор покрытия», «необоснованное повышение очередности», «перераспределение риска на случай банкротства», «корпоративный контроль, не преследующий цель участия в распределении прибыли», что в целом снижает уровень правовой определенности, но, вероятно, повышает вероятность справедливого разрешения судебных споров.

Банки, которые, как указывалось выше, зачастую являются наиболее активными и заинтересованными в недопуске аффилированных кредиторов с необоснованными требованиями в реестре требований кредиторов своих заемщиков. Для них Верховный Суд РФ предусмотрел определенные преференции при рассмотрении их требований при наличии заключенных договоров залога долей (акций). При этом количество ситуаций, когда аффилированные к должникам лица в преимущественном порядке приобретают у банков права (требования) к должникам вне рамок процедур банкротства для получения контроля либо чтобы исключить из процесса наиболее заинтересованных участников, в ближайшее время, очевидно, уменьшится.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Егоров А. В. Субординация аффилированных кредиторов при банкротстве: актуальный вызов времени // Эж-Юрист. — 2018. — № 39 (1040).
2. Миахутдинов Р. Т. Ограничена относительность судебного акта при банкротстве : Как добросовестным кредиторам защититься от необоснованного требования, подтвержденного судебным актом // Вестник экономического правосудия РФ. — 2018. — № 4.
3. Суворов Е. Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019. — № 4.

